

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

КОНЦЕПТ – ПОНЯТИЕ – КАТЕГОРИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКИ¹

Н.Ф. Алефиренко*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
alefrenko@bsu.edu.ru*

Рассматриваются спорные вопросы соотношения концепта, понятия и категории в их взаимосвязях с образами, символами, значениями и смыслами. Доказывается, что концепт обладает (обычно этнокультурно обусловленным) смысловым содержанием, у основания которого лежит соответствующее понятие, а подведение концептов под ту или иную категорию моделирует концептосферу языка – основу этноязыкового сознания.

Ключевые слова: лингвистика, лингвокогнитивистика, концепт, понятие, категория, этноязыковое сознание.

В лингвистических исследованиях последних лет термин *концепт* стал не только популярным, но и весьма терминологически неопределённым. Возникла угроза его превращения из термина в модную наукообразную лексему и, как следствие этого, опасность утраты им своего терминологического предназначения, что, разумеется, не способствует укреплению позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы современной науки о языке. Уже сейчас этот термин нередко применяется к любым объектам понятийного характера, подменяя собой такие родственные знакообозначения, как *понятие*, *категория* и *смысл*, репрезентирующие, как мне представляется, хотя и родственные, но всё же разные форматы концептуализации результатов познавательной деятельности.

1. Концепт и понятие. Смешению данных феноменов имеются объективные предпосылки, о которых писал Ю.С. Степанов. «Концепт — явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* — «понятие», от глагола *conspicere* ‘зачинать’, т. е. значит буквально ‘поятие, зачатие’; *понятие* от др.-рус. глагола *пояти* — ‘схватить, взять в собственность, взять женщину в жены’ [13, 42]. Выходит, первичные значения этих слов совпадают. Однако это вовсе не значит, что они являются терминами-дублетами в научном дискурсе. Главное их различие обусловливается уже тем, что они являются терминами разных наук. Термин *понятие* употребляется главным образом в логике и философии, тогда как термин *концепт*, возникнув в математической логике, в последнее время закрепился в культурологии, в частности в такой бурно развивающейся её отрасли, как лингвистическая культурология. Более того, оказавшись базовым понятием этой науки, он, словно умышленно избавляясь от своего недавнего понятийно-категориального прошлого, стал обозначать продукты речемыслительной деятельности не учёного с его строго структурированными мысля-

¹ Работа выполнена в рамках исследовательской программы ГК 1306.

ми-обобщениями, а «то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек [...] сам входит в культуру...» [13, 42]. И уже после этого (по сути своей, акта культурной социализации человека), концепт включается в ценностно-смысловой континуум культуры. При этом меняется векторная сущность его природы: концепт становится тем, в виде чего уже сама культура входит в ментальный мир человека, превращается в некий «сгусток культуры в сознании человека» [13, 43]. Однако и в этом случае концепт не утрачивает своего изначального предназначения — способности служить рождению чувственно-предметного смысла в виде некоего образа. Именно поэтому, в моём понимании, началом начал в цепи рассматриваемых терминов выступает концепт. К такому выводу подводит сама этимология латинского слова *conceptum*, которое употреблялось в значении ‘зерно; зародыш’. Исходя из такой этимологии, В.В. Колесов сравнивает семантику данного слова с ‘ростком первообраза’, квалифицируя её неким ‘первосмыслом’. Уже в силу его этимологического значения *концепт* никоим образом не может отождествляться с *понятием*, обозначающим уже оформившийся и логикой отфильтрованный объект мысли, понятое и структурированное смысловое содержание. Концепт же хотя и мощный стимулятор познания, но всё же потенциальный, ещё неоформленный «про-лог», своего рода предшествующее понятию мыслительное образование. Он — потенциальное понятие, протопонятие, ассоциативно-мыслительный «росток», способный «прорасти и словом, и делом» [9]. Как потенциальное понятие, концепт лишён прежде всего его базового компонента — десигната. Для его обретения ему нужно превратиться в понятие, а если продолжить его метафорическое сравнение с зародышем, то он должен эволюционировать настолько, чтобы из него выростала полностью оплодотворённая и структурно организованная мысль.

Концепт не может быть отождествлён и с образом — феноменом предметно-чувственной природы, так как он не обладает референцией, то есть не соотносится с конкретным предметом. Вот и получается, что ни «жизнь», ни «диван» концептами не являются: первое слово, выражая понятие, содержит в своём лексическом значении сигнификат, а второе — обозначая конкретный предмет, превращает его в свой референт, а именуя обобщённый предмет — в денотат [1, 154]. Данные объекты не являются концептами ещё и потому, что они в определенных условиях соотносятся с денотатами — серийными, обобщенными, типовыми предметами мысли. Ср.: *Такая уж у него жизнь* (*жизнь* — способ существования); *Диван* — *удобнее стула* (*диван* — тип мебели).

Следовательно, концепт — такое мыслительное образование, которое существует в сознании человека наряду с предметно-чувственным образом, конкретным предметом мысли и понятием. И как предпонятийная структура может быть представлена в виде «свернутой точки потенциальных смыслов» [9, 81] или, в нашем понимании, точкой, потенциально проецирующей некое смысловое поле, которое организовано по принципу любого другого поля: сгущение смыслов образует его ядро, а рассеянные и разреженные смыслы — периферию. Такая организация концепта удерживает периферийные смыслы в зоне притяжения его ядра, образуя единство противоположенных смыслов, «туманное нечто» [3, 267], «вневременное содержание» (Франк). Вместе с тем, концепт — не мистический феномен. Это, скорее, гибридное единство наименования предмета с его мыслительным образом. В такого рода единстве сосуществуют предмет (объект познания), его субъективный образ и зародыш понятия — обобщенного представления о целом ряде однородных предметов в их наиболее существенных признаках. В таком истолковании концепт напоминает «смысл», однако в отличие от него лишённый формальной структуры. По мнению В.В. Колесова, концепт — смысл, не обретший материальной формы и поэтому пока ещё не понятие, но уже образование, содержащее его сущность [9, 44].

Первая часть данного суждения служит для нас исходным тезисом; вторая — требует дополнительных размышлений. Прежде всего, утверждение о том, что

концепт – сущность понятия, вступает в противоречие с теорией концепта, разрабатываемой Ю.С. Степановым. Согласно его учению, как раз всё наоборот: понятие является сущностным компонентом концепта. Оно, наряду с образностью и оценочностью, образует один из структурных слоёв концепта. Вызывает также сомнение, что сущностью каждого концепта непременно выступает то или иное понятие. В этой связи особенно актуальны такого рода размышления при построении различных типологий концептов, в частности признание существования культурных, художественных, довербальных и др. их разновидностей. Ведь сущность культурных и художественных концептов, скорее, сосредоточена не в понятийной, а в их образно-смысловой составляющей.

Имеются и более серьёзная причина для такого рода сомнения. Она касается категориальной сущности концепта, метко и ёмко раскрытой В.В. Колесовым: концепт – ‘первообраз’, ‘первосмысл’ отражённого в сознании предмета мысли. Ассоциативно-мыслительный «росток», или «зародыш» знания о предмете, смыслопорождающая сперма¹ по определению не может отождествляться с понятием, являющимся логически завершённым обобщением наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. Именно поэтому и одноименный термин (лексема *концепт*) сохраняется, по мнению В.З. Демьянкова, в своей семантической структуре сему ‘незавершенность, зачаточность’ [7, 35-47]. Лишь в результате завершённости и оплодотворения мысли, её очищению фильтрами социального опыта и этнокультурной адаптации на базе концепта формируется понятие, которое затем приобретает статус его констративного ядра. И это в некоторой степени делает утверждение В.В. Колесова мотивированным: напомним, по мнению учёного, «концепт – не понятие, а сущность понятия» [9, 44].

Понятие – это совокупность существенных признаков объекта, отличающих его от сходных объектов. Например, понятие «стол» – ‘предмет мебели в виде широкой доски на ножках’ включает в себя все те признаки, которые отличают стол от другой мебели: стула, кресла, табуретки и т. д. Концепт же – это всегда *наивное понятие*, погруженное в этнокультуру. В этом смысле следует поддержать тех учёных, которые утверждают, что концепт всегда этнокультурно специфичен даже в тех случаях, когда слова, в которых он вербализуется, представлены в переводных словарях как эквиваленты. Логически сложившееся понятие – крайний предел истины. И это вполне соответствует этимону термина *концепт*, который содержит идею ‘зачаточной истины’. Эта идея содержится и в уже упомянутых физиологических метафорах *зародыш* и *зачатие*. *Концепт* оказывается «сокращением» от латинского словосочетания *conceptus mentis* «зародыш мысли» – то, что «зачато».

По наблюдениям В.З. Демьянкова, употребление термина *концепт* в разных лингвокультурах стремится к сохранению исходной метафоры, изначально лежащую в образе и мотивирующую идею «зачаточной истины», благодаря которой каждый концепт сохраняет статус «эмбриона» мысленных операций, или, по Аскольдову (1997), «почка сложнейших соцветий мысленных конкретностей».

2. Концепт и категория. Категория как единица научного мышления была введена Аристотелем, под которой понималось наиболее общее понятие. Мыслитель выделял 10 базовых категорий: «Субстанция» (οὐσία), «Количество» (πῶσον), «Качество» (πρῶτον), «Отношение» (πρὸς τί), «Пространство» (πού), «Время» (λότε), «Состояние» (κείσθαι), «Действие» (ποιεῖν), «Обладание» (εχειν) и «Страдание» (πῶχειν). Стойки вместо десяти Аристотелевых принимали лишь четыре: субстанция, качество, модальность и отношение. Кант также выделял четыре категории, назвав их категориями рассудка: категории количества, качества, отношения и модальности². В

¹ Физиологические метафоры *сперма*, *зародыш*, *росток*, характеризующие концепт, принадлежат В.В. Колесову (2002).

² К погрешностям данной классификации категорий Фихте относил их случайный характер и недостаток выведения. Устранить их, полагал Фихте, – значит вывести категории из высшего их основания – из единства сознания. Завершил эту работу Гегель, используя для этого свой диалектический метод.

современной же когнитивной лингвистике многим из названных категорий нередко приписывается статус концептов. Считают возможным говорить о концепте «Количество», концепте «Качество», концепте «Пространство», концепте «Время». На мой взгляд, это классические категории. Кстати, уже в рассуждениях древних мыслителей можно найти подходы к проблеме разграничения категории и концепта.

Началом процесса образования категорий, утверждал Гегель, является трудно определяемое, бедное по содержанию **понятие бытия**, из которого получаются сначала категория качества, потом количества и т. п. В таких **понятиях бытия** вполне разумно усматривать первые понимания тех когнитивных образований, которые в современной науке получили названия концептов. Из представленных выше суждений вытекает, что концепты являются начальными когнитивными образованиями, служащими основой возникновения понятий, а те, в свою очередь, средством порождения категорий, которые, в отличие от понятий обладают большей мощностью (объемом). Благодаря этому свойству категории служат систематизации знания и познавательного процесса, подведению под те или иные рубрики целые классы понятий. Кроме того, они как особые когнитивные единицы многодисциплинарного характера фиксируют этапы и факторы познавательного процесса. Наконец, нужно отметить, что эвристическое (широкозначное) слово может представлять разные когнитивные структуры. Так, слово *земля* может служить репрезентантом и концепта, если оно обозначает среду жизни всего сущего: людей, животных, растений, и понятия, если оно именуется планету Солнечной системы. Правда, следует акцентировать внимание на том, что здесь речь идет только об эвристических словах.

3. Концепт и смысл. Обычно под смыслом понимают несколько взаимосвязанных сущностей: (а) в обыденном сознании – то, что противостоит абсурду, обладает содержанием; (б) в науке о языке – то, что возникает в акте номинации (означивания) и реализуется в специфических высказываниях; (в) в теории коммуникации – то, что образуется в межличностном общении, существует в душевно-мыслительном пространстве и зависит от дискурсивной ситуации.

В когнитивной лингвистике смысл нередко отождествляется с концептом на том основании, что его можно уподобить некоему «подвижному облаку идей» с убегающим разнообразием значений [14, 243]. Такое понимание смысла близко истолкованию концепта С.А. Аскольдовым и В.В. Колесовым, что и служит, вероятно, основанием для отождествления этих двух понятий. Однако смысл характеризуется ещё и «собственными» признаками. Он – (а) ситуационно и контекстуально значим; (б) способен выражать некоторое множество значений, потенциально имеющих отношение к познанию именуемого объекта. В этом отношении «смысл выполняет функцию конкретизатора значений именно благодаря фиксации в сознании тех свойств и признаков объекта, которые становятся актуальными для конкретной лингвокогнитивной ситуации [1, 81]. В этом плане следует согласиться с А.Г. Теслинов, что смысл «вещей»

выражается в концептах. Мы говорим: концепт обладает смысловым содержанием. Более того, смысловые интерпретации познаваемого объекта служат источником тех идей, которые, собственно и порождают концепт. Поэтому утверждение, что концепт является содержанием понятия, нам представляется слишком категоричным [14, 244]. Скорее, наоборот: понятие является ядром смыслового содержания концепта.

Проблема соотношения смысла, значения и концепта, таким образом, возникает в связи с тем, что в живой речи происходит не воспроизведение концепта и значения номинативных единиц его репрезентирующих, а их интерпретация в рамках реализации интенций субъектов речи. Иными словами, в речевом акте содержание высказывания формируется амальгамированием отдельных смыслов, передаваемых элементами высказывания, понимается, не путём их механического суммирования.

Согласно ранее изложенной концепции [1, 86], лингвокогнитивный статус значения определяется исторически и социально обусловленной связью акустических образов и образов предметов и ситуаций. В другой терминологии значение обозначается как *десигнат* или *семема* [11]. Статус концептов детерминируется сферой предметной образности или денотативных ситуаций и обозначается терминами *денотат*, *смысл*, *концепт*. Если лингвокогнитивный статус значения можно считать общепринятым, то предложенное понимание сущности концепта нуждается, как мне представляется, в дополнительном обсуждении. Можно ли без каких-либо оговорок концепт приравнивать к денотату и смыслу?

В отличие от денотата, концепт, кроме предметной образности обладает ещё понятийной и прагматической составляющими. Не менее сложные взаимоотношения между концептом, смыслом и значением. Как таковой концепт выражается только в таких *смысловых форматах*, как образ, понятие и символ [11, 323]. Такое понимание сущности концепта относит его к феноменам, отображающих духовную жизнь человека. И в этом смысле он рассматривается как своеобразный архетип культуры, обеспечивающий континуумность духовной жизни народа. В этом качестве концепт является креативным средством сохранения и обогащения ценностно-смыслового пространства любой этнокультуры. В этом заключается своеобразие концепта как когнитивной структуры. Конфигурацию его многослойного содержания формируют: (а) отражение соответствующего фрагмента картины мира в виде субъективного образа, (б) символический смысл, который позволяет концепту быть общедоступным этноязыковому сознанию, быть достоянием той или иной народной культуры и (в) понятийная составляющая – универсальный (логический) компонент концепта, обеспечивающий ему репрезентативность на разных языках мира. В таком сочетании своих составляющих концепт с оговорками можно, конечно, называть и понятием, но понятием особого рода:

а) **обыденным**, или **наивным** (такое наивное понятие, формируемое опытом человека, лежит в основе значения слова и служит дифференциации одного предмета мысли от других): *земля, вода, воздух*;

б) **индивидуализирующим**, поскольку в виде концепта конкретный и уникальный объект (часто индивидуально-авторский) получает этнокультурную значимость, превращаясь в некий символ; например: «Дворянское гнездо» – концепт, символически представляющий собой символ обеспеченной жизни; «Обломовщина» – концепт, обозначающее апатию, застой, отсутствие развития, рутину (возник на базе фамилии Обломова, героя одноименного романа благодаря статье Добролюбова «Что такое обломовщина?»);

в) **дискурсивно обусловленным**, так как моделирует ту или иную ситуацию не на основе объективных и конкретных признаков, а исходя из индивидуально-личностной интерпретации человеком соответствующего фрагмента действительности путём ассоциации его с известными всем или большинству образами: *Да ты у нас Геракл!* – говорим мы о сильном человеке. У такого рода концептах в разной степени обнаруживаются и образ, и понятие, и символ. Так в смысловое со-

держание последнего концепта подпитывается синергией исполинского древнегреческого образа Геракла, понятия «мужественность» и культурным символом этого понятия – **Геракл**. Такими же характеристиками обладают и другие приведённые выше концепты – «Дворянское гнездо» и «Обломовщина». Все они континуальны, беспредельны в этноязыковой картине мира, поскольку их вербализаторы лишены словесной конкретики. Репрезентирующие данные концепты словосочетание *дворянское гнездо* и лексема *обломовщина* лишены всего того, что свойственно языковым единицам, номинирующим обычные понятия или представления. Они автономно не соотносятся (а) ни с определённым референтом («дворянскими гнездами» называют и рестораны, и жилищные комплексы и др. объекты); (б) ни с десигнатом (логическим содержанием понятия), поскольку понятийная составляющая концепта «растворяется» в смысловой синергетике концептуального содержания; (в) ни с денотатом как типовым предметом именованного (предметно-образным значением). Ведь с точки зрения когнитивной лингвистики, денотаты – единицы языкового сознания (они формируются знанием языка). Смыслы – продукты рефлексии над восстановлением связей и отношений между объектами речемышления. Референты – конкретные предметы номинации познаваемого. Десигнаты – результаты сгущения смыслов, их структурирования, а содержание высказывания человек получает путём воспроизведения предикаций¹ в рамках соответствующих пропозиций [5, 3]. Семантика языковых единиц, репрезентирующих концепты, представляя разреженные смыслы, в разной конфигурации способна вызывать в нашем сознании все компоненты интенциональности: рефлексия опыта, сопровождаемую живыми переживаниями, референцию, десигнацию и денотацию в их синергетическом единстве. И в этом смысле концепт, вслед за А.Ф. Лосевым, можно назвать «единством противоположностей, единством мышления с его предметом» [10, 62]. Поэтому концепт не является понятием по определению, хотя и выражает изначальную сущность понятия, являясь его корнесмыслом. Не является он и смыслом в истинном его понимании, поскольку смысл облечён в некую форму, а концепт – скорее, «смысл, не обретший формы», «конденсат неформившихся неустойчивых туманных ассоциаций», хотя и дан «как некая целостность» [4, 47].

И этим своим качеством концепт напоминает внутреннюю форму языкового знака: он, как и внутренняя форма знака – не образ, а «свернутая точка потенциальных смыслов», способная порождать в семантической структуре языковых знаков тот или иной спектр семантических вариантов (ЛСВ, ФСВ). Если продолжать развивать метафорическое определение концепта – «свернутая точка потенциальных смыслов», то следует упомянуть и о суждении Жиля Делёза и Феликса Гваттари. Учёные писали: «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью. ... «Парение» – это состояние концепта или характерная для него бесконечность, хотя бесконечные величины бывают большими или меньшими в зависимости от шифра составляющих, порогов и мостов между ними» [6, 138].

Разделяя эту точку зрения, О.А. Алимуратов считает, тем не менее, что «одновременным присутствием точки концепта во всех его областях нельзя объяснить всех его основных свойств» [2]. Поэтому в основу интегрированного понимания концепта им кладётся одно из фундаментальных свойств человеческого интеллекта – понятие интенциональности [12]. Именно этим свойством концепт принципиально отличается и от категории, и от понятия. Благодаря свойству интенциональности концепт рас-

¹ Предикация – установление отношения между субъектом (подлежащим), действием или предметом действия; отнесение предмета мысли к действительности, акт создания пропозиции – соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (предикатом и его актангами). Цель и смысл предикации – отразить актуальное состояние объекта/субъекта (событие, ситуацию действительности), т.е. раскрыть определенное положение дел, которое образует логическую основу предложения.

считается как основное свойство этноязыкового сознания, как его изначальная активность, формирующая его смысловую структуру. В силу своей интенциональности концепт способен служить интерпретации психических переживаний и выражать фундаментальное отношение человека к миру. Интенциональность существует в концепте (а) как *ноэзис* (единая структура акта полагания) и (б) как *ноэма* – предметный смысл, не зависящий от существования предмета или его данности. В концепции Гуссерля *ноэма* – *идеальный*, а *ноэзис* – *реальный* компоненты интенционального переживания. Интенциональность включает в себя элементы и практического, и дискурсивного сознания. Именно в таком понимании она формирует смысловую структуру и каждого концепта, и всего сознания в целом. С одной стороны, это даёт повод для сближения концепта с единицами менталитета, а с другой, – (в силу тех же свойств) концепт не следует отождествлять с эпистемой – единицей народной ментальности, представляющей *внешние* формы этноязыкового сознания. В отличие от эпистемы, концепт не лишен архетипических свойств, что позволяет оперировать им даже на уровне нашего подсознания. Как подкорковый смысловой элемент концепт выступает своего рода ментальным генотипом, атомом генной памяти, если, разумеется, под ментальностью понимать духовность народа, жизненно важный остов его ценностно-смыслового пространства. Сравнение основных мыслительных структур приводит к выводу о том, что речь здесь должна идти о когнитивных структурах разной степени обобщенности (А.М. Грункин), и разной степени утраты предметно-образной сущности. К наиболее высокому уровню обобщенности относятся когнитивные структуры, называемые *категориями* типа «Количество», «Качество», «Пространство», «Время». Категории лишены предметно-чувственной образности. Средний уровень обобщенности образуют *понятия*: «молодость», «родители», «жизнь», «развитие» и др. Понятия также отвлечены от предметной конкретности и образного восприятия. На низком уровне обобщенности «располагаются» *концепты* типа «Музыка», «Степь», «Человек», «Дорога» и др. Они в отличие от категорий и понятий обладают элементами всех предыдущих когнитивных образований: и понятийной сущности, и образного восприятия предмета мысли, и этнокультурной ауры. Завершают этот ряд *конкретные предметы*, такие как «стол», «лампа», «ткань», «дневник».

Итак, концепт, по сравнению с другими когнитивными образованиями, по природе своей несколько мистичен, «око вечности», «излучение из глубины» (Николай Бердяев) этнокультурного сознания, преисполненный интенциональности архетип мысли, ещё не оформившийся исходный *множественный* смысл. Концептов с одной лишь составляющей не бывает по определению. Концепт, редуцируемый до одной составляющей, превращается в смысл, понятие, образ или символ. Смысловые интерпретации познаваемого – источник идей, порождающих концепт. Поэтому концепт – предельно субъектен: его общественно-историческое начало проецируется на каждого отдельного человека. Он совмещает в себе память и воображение: как акт памяти – ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее (С.С. Неретина). Понятие – результат длительного обобщения наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. Категория – обобщающая единица мышления, образующая классы и рубрики понятий. В конечном итоге, концепт обладает (обычно этнокультурно обусловленным) смысловым содержанием, у основания которого лежит соответствующее понятие, а подведение концептов под ту или иную категорию моделирует концептосферу языка – основу этноязыкового сознания.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: «Гнозис», 2005.
2. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность / О.А. Алимуратов. – Пятигорск, 2003.

3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Богин Г.И. Интенциональный акт как ситуация появления смыслов / Г.И. Богин // Язык и культура. – Киев, 1994. – С. 3–10.
6. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
7. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии, 2001. № 1. – С. 35–47.
8. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания. Понятие и концепт / В. Зусман // Вопросы литературы. 2003. – №2.
9. Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002.
10. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
11. Попова З.Д. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. статей. – М., 2007. С. 322–329.
12. Сёрль Дж. Открывая сознание заново / Дж. Сёрл. – М., 2002. – 348 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997.
14. Теслинов А.Г. Две традиции истолкования смыслов / А.Г. Теслинов // Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе: Материалы XXXIV Междунар. конф. (Украина, Крым, Ялта – Гурзуф, 20–30 мая 2007 г.). – Гурзуф, 2007. С. 243–245.

CONCEPT – NOTION – CATEGORY IN THE LIGHT OF MODERN LINGVOCOGNITIVE SCIENCE

N.F. Alefirenko

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

It is considered debatable questions of correlations of concept, notion and category in their interconnections with images, symbols, meanings and senses. It is proved that concept usually has ethnocultural specified sense content which conforms to notion. Correlation of concepts to any category models conceptsphere of language as the base of ethno linguistic consciousness.

Key words: Linguistics, lingvokognitevistika, concept, concept, category, ethno-linguistic awareness.